

УРБАНИЗАЦИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В ТРАКТОВКЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XX В.

А.Г. ДОРОЖКИН

Магнитогорский
государственный
университет

e-mail: rushist@masu.ru

В настоящей статье рассматриваются оценки процесса урбанизации в дореволюционной России в немецкой историографии конца XX века. Пристальное внимание уделяется трактовкам немецких историков вопросов роста и развития городов и городского населения в России, социальных процессов в дореволюционном российском городе, региональных аспектов проблемы.

Ключевые слова: урбанизация, немецкоязычная историография, россияка, индустриализация.

Модернизация как сложный и многоплановый процесс трансформации традиционного общества в индустриальное сопровождается обычно ростом городов и численности городского населения. Российская империя второй половины XIX – начала XX вв. не была исключением – ускоренная модернизация вызвала к жизни и урбанизацию со всеми сопутствующими ей сдвигами социального характера. Данный процесс привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей социальной истории предреволюционной России, и в рамках предлагаемой статьи представляется необходимым остановиться на интерпретации его немецкоязычной исторической литературой последней четверти XX в. В этот период в немецком руссизовании получило значительное распространение «социально-историческое направление», что содействовало росту интереса к проблеме урбанизации. В самом общем виде ей в 1970-1990-х гг. уделили внимание Х. Хауманн, М. Хильдермайер, М. Шпет, австрийский историк П. Фельх. С 1980-х гг. заметно повысился интерес к региональным аспектам российской урбанизации. Это нашло свое отражение в работах немецко-швейцарского исследователя К.Шписса, а также в трудах германских историков Д. Ландграфа и отчасти Л. Деега, посвященных дальневосточной тематике. При этом нужно оговориться, что интерес к Дальнему Востоку существовал в немецкой «россиике» с начала XX в.; из всех российских регионов именно ему уделялось значительное внимание при рассмотрении модернизационных изменений в империи Романовых. В последующем определенное внимание урбанизационным процессам на Юге России (на примере Одессы) уделил Г. Хаусман. В предлагаемой статье речь пойдет о рассмотрении германоязычной историографией процесса урбанизации, понимаемого как сопутствующее модернизации распространение поселений городского типа при росте влияния их на деревню и увеличении численности горожан. Проблемы урбанизационного перехода, трактуемого А.С. Сеньявским как преобразование всего общества на «городских началах»¹, прямо не затрагиваются немецкими историками при рассмотрении истории России 1861-1917 гг.

Х. Хауманн и М. Хильдермайер отметили специфические черты в процессе исторического развития российских городов – выдающуюся роль государства в ходе их формирования, особое вследствие этого значение административной их функции, отсутствие бюргерского сословия, трансформирующегося в буржуазию². Государственная политика в отношении общины сдерживала быстрый рост постоянного городского населения; его доля оставалась незначительной до начала XX в. С другой стороны, сосредоточение промышленности в относительно немногочисленных центрах обусловило высокий уровень концентрации городского населения – в 1910 г. 40% российских горожан проживали в 30 населенных пунктах, число жителей каждого из которых превышало 100 тысяч человек (в Герма-

¹ Опыт российских модернизаций XVIII-XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. – М., 2000. – С. 72.

² Haumann H. Die russische Stadt in der Geschichte // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. – 1979. – Bd. 27. – S. 481-487.

нии на долю таких городов приходилось тогда лишь 21,2% городского населения)³. Х. Хауманн указал на наличие тесной связи между урбанизацией и индустриализацией на Юге России, в Прибалтике, Московском (что далеко не бесспорно) и Петербургском районах. По его мнению, в определенной мере эту связь можно проследить и в Восточной Сибири в связи с быстрым развитием внешней торговли в этом регионе⁴. Г. Хаусман, однако, поставил под вопрос тезис о наличии на Юге во всех случаях взаимосвязи между урбанизацией и индустриализацией – пример Одессы, одного из крупнейших городов и портов России, не подтверждает этого. Промышленность, по мнению Г. Хаусмана, развивалась здесь до Первой мировой войны сравнительно медленно, и даже в 1914 г. численность рабочих не превышала 30 тысяч человек при общей численности населения города в 630 тысяч жителей. В течение всей второй половины XIX в. в Одессе, несмотря на появление в ней крупных предприятий по производству паровых мельниц, рафинадных и металлообрабатывающих фабрик, так и не удалось трансформироваться в промышленный город типа Москвы или Санкт-Петербурга. В числе основных причин такого положения Г. Хаусман называет нежелание местных предпринимателей инвестировать промышленную сферу – в условиях портового города более предпочтительным представлялись вложения в торговлю. Последняя в большей мере, чем промышленность, определяла экономику города⁵.

П. Фельх, поставив в своем докладе на конференции австрийских историков в 1981 г. вопрос о причинах российской урбанизации пореформенного периода, отметил значительное увеличение аграрного перенаселения и – традиционно для зарубежных исследователей – падение жизненного уровня крестьян. Индустриализация предлагала им выход из создавшегося тяжелого положения, но она явно запаздывала и проходила неравномерно. Подобно Х. Хауманну, П. Фельх не увязывал ее однозначно с урбанизацией, напоминая, что значительная часть промышленности располагалась вне городов. Данное обстоятельство особо подчеркивал К. Гества⁶. Не отрицая этого, следует все же принять во внимание, что в условиях царской России многие крупные промышленные центры де-юре не имели городского статуса – это во многом корректирует тезис о преобладании внегородской индустрии. В то же время длительное сохранение сословного неравноправия крестьян и прикрепление их к общине значительно осложняли и затрудняли урбанизацию. П. Фельх отметил, что этот процесс проходил через ряд переходных ступеней – окончательному переселению сельских жителей в город и усвоению ими новых форм жизни могли предшествовать сезонная и поденная работа, различные непостоянные заработки. Значительные масштабы отходничества, особенно в Центрально-промышленном районе, обусловили как исключительно высокую долю крестьян (по сословной принадлежности) среди горожан, особенно в Москве, так и выдающуюся роль переселенцев в увеличении численности городского населения и в пополнении фабрично-заводских рабочих⁷.

³ Haumann H. Die russische Stadt ... // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. – 1979. – Bd. 27. – S. 488-489. Ср.: Карагодин А.В. Изучение социальной мобильности сельского населения России периода модернизации (1861-1914 гг.) в современном западном руссификации: подходы и перспективы // Индустриализация в России : информ. бюл. науч. семинара. – М., 2000. – № 10 (июнь). – С. 35-37.

⁴ Haumann H. Die russische Stadt... – S. 488.

⁵ Hausmann G. Deutsche Kaufleute und Unternehmer im Wirtschaftsleben Odessas am Ende des 19 und zu Beginn des 20 Jahrhunderts // Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19 und frühen 20 Jahrhundert / hrsg.: D. Dahlmann, C. Scheide. – Essen, 1998. – S. 523-524, 533. ("... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat").

⁶ Felch P. Die Binnenmigration in Russland am Ende des 19 Jahrhunderts // XY Österreichischer Historikertag 1981 / Veröffentlichungen des Verbandes Österreichischer Geschichtsvereine. – Salzburg, 1984. – S. 248; Gestwa K. Proto-Industrialisierung in Russland. Wirtschaft, Herrschaft und Kultur in Iwanovo und Pavlovo (1741-1932). – Goettingen, 1999. – S. 339. О несоответствии формально-юридического статуса населенных пунктов России действительному положению говорит Л.М. Иванов. Он отмечает, что в случае применения к России европейских стандартов при определении города (в Европе городами считались поселения с числом жителей более 2000 человек), долю горожан в населении в 1897 г. пришлось бы обозначить в 32%. См.: Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. – М., 1971. – С. 312.

⁷ Felch P. Die Binnenmigration ... – S. 249. Сохранение тесной связи с родной деревней крестьянами, ушедшими в отход, признается и англоязычной (как и отечественной) историографией.

Значительную роль столичных городов России как мест притока мигрантов из деревни особо отметил Х. Хауманн. В Москве и Петербурге представители крестьянского сословия составляли к началу XX в. подавляющее большинство жителей. Они были заняты в системе промышленного производства, городского транспорта, в качестве сезонных рабочих и домашней прислуги. Не рассматривая специально степень интегрированности всех этих лиц в городскую среду, Х. Хауманн ограничился беглым упоминанием о сохранении многими из них связи с деревней. Представляет интерес анализ Х. Хауманном социальной структуры столичных городов к 1914 г. в сравнительном аспекте. Основываясь на публикациях советского периода, ученый акцентировал внимание на том, что в Москве в большей по сравнению с Петербургом мере были представлены купцы и мелкобуржуазные слои. Петербург, напротив, значительно превосходил Москву по удельному весу дворян, чиновников и военнослужащих. Таким образом, констатировал Х. Хауманн, «старая» Москва имела в канун Первой мировой войны социальную структуру, более соответствующую промышленному городу, нежели «европеизированный» Санкт-Петербург. Это вносит определенные коррективы в устоявшееся противопоставление «вестернизированного» Петербурга «традиционалистской» Москве⁸, хотя здесь необходимо принимать во внимание и фактор ментальности различных групп населения.

Значительную роль миграций в урбанизационном процессе в пореформенной России, как и в ее индустриализации, отметил и М. Хильдермайер. Количественно это выражало демографические изменения; в качественном плане рост городского населения и городов сопровождался трансформацией многих из них в промышленные центры вместо традиционных, определяемых административным значением и по преимуществу торговых и аграрными занятиями жителей населенных пунктов⁹. Соответственно, менялась и социальная структура городов. В этой связи М. Хильдермайер признавал значительную пролетаризацию части традиционных средних слоев в промышленных районах страны¹⁰. Не отрицая несомненных сдвигов в развитии населенных пунктов городского типа, следует вместе с тем учитывать, что глубина их была в высшей степени различной – на это указывает и сам М. Хильдермайер. Он, однако, склонен несколько преуменьшать роль административной функции в градообразовании в период модернизации. Она, однако, по-прежнему была существенна – как и раньше, больший административный статус обычно придавался более крупному поселению и содействовал росту числа жителей и функциональному разнообразию. А.С. Сенявский отмечает, что и в 1910 г. доля городов с административными функциями была примерно той же, что и в 1856 г. и составляла примерно 80%¹¹.

Роль промышленного переворота и индустриализации как фактора градообразования косвенным образом отмечена в недавнем исследовании К. Гествы. Подробно рассмотрев на примере селений Иваново и Павлово становление и развитие промышленных производств в сельской местности («протоиндустриализацию»), К. Гества проследил эволюцию первого из них в поселение городского типа, слившееся с Вознесенским Посадом. Селение Павлово, старый центр кустарных промыслов, не приобрело, однако, городского статуса, несмотря на производство в нем металлических изделий в крупных масштабах. Это дает основание К. Гестве усматривать здесь более длительное сохранение протоиндустриальной стадии производства; фактический материал, приводимый исследователем, свидетельствует о несомненном техническом прогрессе и павловских кустарных промыс-

При этом отмечается роль общины в поддержании этих связей. Подобно П. Фельху, англоамериканские историки указывают и на значение столичных городов как мест притока мигрантов. См.: Карагодин А.В. Изучение социальной мобильности сельского населения России... – С. 35-39.

⁸ Haumann H. Die russische Stadt ... – S. 491-492. Такое противопоставление встречается в отечественной литературе до настоящего времени. См.: Опыт российских модернизаций... – С.79. Вместе с тем американский историк Д. Брэдли отмечает, что к 1914 г. две трети населения Москвы составляли крестьяне, большинство из которых поддерживало индивидуальные, семейные, юридические и социальные связи с деревней. Цит. по: Карагодин А.В. Изучение пореформенного российского крестьянства в современном западном российеведении: основные концепции, подходы и перспективы : дис. ...канд. истор. наук. – М., 2001. – С. 130-131.

⁹ Hildermeier M. Sozialer Wandel im städtischen Russland in der zweiten Hälfte des 19 Jahrhunderts : Anmerkungen zur neueren Literatur // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. – 1977. – Bd. 25. – S. 529.

¹⁰ Там же. – С. 532.

¹¹ Опыт российских модернизаций... – С. 73-74.

лах. Данный случай – пример трудности приобретения официального городского статуса даже крупным промысловым поселением в условиях Российской империи. Как отмечает А.С. Сенявский, и в период модернизации город оставался для государственной власти в России прежде всего инструментом управления территорией в военно-административном, финансово-экономическом, социальном и иных отношениях¹². Это лишний раз свидетельствует о значимости административной функции в процессе градообразования во второй половине XIX – начале XX вв. С другой стороны, следует сказать, что и сами жители крупных промысловых селений обнаруживали значительную приверженность традиционному мировоззрению. Так, жители Иванова даже в 1860-х гг., накануне преобразования селения в город возражали против пуска железной дороги, полагая, что она подорвет извозный промысел и повлечет за собой рост цен на товары первой необходимости. П.Г. Рындзюнский указал также на настороженное отношение ивановских крестьян к техническим усовершенствованиям, способным вызвать уменьшение спроса на рабочие руки с последующей безработицей. Такой консерватизм жителей крупного центра текстильного производства П.Г. Рындзюнский объясняет обилием среди них ремесленников и кустарей-одиночек, не без основания опасавшихся губительных для себя результатов технической реконструкции¹³.

На изменения облика городов, выросших в процессе индустриализации, обратили внимание Х. Хауманн, Т. Стеффенс и М. Шпет, а в 90-х гг. XX в. – Г. Альтрихтер. Х. Хауманн и Т. Стеффенс отметили, что лицо индустриальных центров России все больше определяли крупные предприятия, рабочие кварталы, расширенная сеть мелкой торговли. Уровень развития городской инфраструктуры в Москве и Киеве превышал петербургский; оспаривается, однако, тезис Х. Хауманна о менее высоком уровне жизни рабочих в столице империи и выведение отсюда причины большего накала классовой борьбы в Петербурге¹⁴. Сами же вопросы развития городской инфраструктуры в России начала XX в. специально рассмотрел М. Шпет. Отметив определенный прогресс коммунальной сферы русских городов в период модернизации и охарактеризовав его как важную составляющую этого процесса, исследователь одновременно указал, что изменения в этой сфере затронули лишь крупные городские центры, потому что даже в столицах относительное благоустройство существовало лишь в некоторых кварталах. Большая часть кварталов, как и пригородные поселения, была лишена современных удобств; в малых городах прогресс инфраструктуры был почти незаметен. В целом, резюмирует исследователь, по статистике МВД в 1911 г. из 1063 населенных пунктов России с числом жителей свыше 10 тыс. человек лишь 219 имели водопровод (в начале 1870-х гг. он имелся в 22 городах)¹⁵.

Причины достаточно скромного в целом прогресса городской инфраструктуры М. Шпет усматривает в недостатке средств на ее развитие у городских управ, в односторонности строительной деятельности государства и дефиците технических специалистов. При этом исследователь в целом высоко оценивает консультационные услуги Императорского русского технического общества при совершенствовании коммунальной сферы¹⁶. Последнее, однако, лимитировалось относительно скромным размером городских бюджетов дореволюционной России, несмотря на их рост в абсолютном выражении более чем в 10 раз за 1871-1913 гг. Так, Москва, по численности жителей в начале XX в. равная Берлину, имела вдвое меньший бюджет по сравнению с германской столицей. К этому добавлялись трудности кредитования на коммунальные нужды: лишь в 1912 г. государством был учрежден специальный банк для предоставления кредитов на потребности городов. Возможности же привлечения средств через эмиссии городских займов М.

¹² Опыт российских модернизаций... – С. 73; Gestwa K. Proto-Industrialisierung in Russland ... – S. 339. Вместе с тем следует принимать во внимание региональную специфику. В Сибири, например, промышленность выступала одним из главных градообразующих факторов. См.: Скубневский В.А. Промышленность городов Сибири в конце XIX – начале XX века // Вопросы экономической истории России XVIII-XX вв. – Томск, 1996. – С. 67-78.

¹³ Рындзюнский П.Г. Реформа 1861 г. в крупных промысловых селах (село Иваново Владимирской губернии) // Проблемы социально-экономической истории России. – М., 1971. – С. 139.

¹⁴ Haumann H. Die russische Stadt... – S. 489.

¹⁵ Späth M. Wasserleitung und Kanalisation in Großstädten. Ein Beispiel der Organisation technischen Wandels im vorrevolutionären Rußland // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. – Berlin-Wiesbaden, 1984. – Bd. 25. – S. 346, 348-349, 355.

¹⁶ Там же. – С. 344-346, 353-355.

Шпет находит крайне ограниченными. При этом и доля расходов на инфраструктуру в большинстве городских бюджетов была невелика¹⁷. К названным причинам следует добавить и прекращение выдачи строительных ссуд учреждениями городского долгосрочного кредита в конце XIX в. Условия же кредитования со стороны земельных банков и кооперативов были обременительны для заемщиков. Особенно дорого, отмечает С.В.Ильин, обходились ссуды под залог деревянных и смешанных строений; общая убыточность городского кредитования дала правительству повод ограничить в самом начале XX в. операции земельных банков в городах и регламентировать деятельность страховых компаний на рынке городских недвижимостей¹⁸.

Дефицит средств на коммунальные нужды побуждал городские управы привлекать для развития инфраструктуры частные капиталы. Рассматривая концессии на сооружения и эксплуатацию водопровода, предоставленные органами самоуправления предпринимателям, М. Шпет отмечает обременительность их для горожан. В результате в последней четверти XIX в. наметилась тенденция к отказу от услуг частных при эксплуатации водопроводной сети. В 1901 г. МВД рекомендовало управам взять в свои руки водопровод, электрический транспорт и городское освещение¹⁹. После перехода водопроводной сети в городскую собственность плата за пользование ею понизилась, но осталась по-прежнему слишком высокой для большинства населения. Это вызывало справедливые нарекания общественности; вместе с тем последняя недооценивала роль объективных факторов – дороговизну проведения технических инноваций, проблемы инвестирования в коммунальную сферу, нехватку квалифицированных кадров²⁰. Рассматривая в основном на примере столичных городов роль инженерно-технических кадров, чиновничества и органов самоуправления в улучшении городской инфраструктуры, М. Шпет делает обоснованный вывод о крайней упрощенности противопоставления «прогрессивной» технической интеллигенции «косной» государственной бюрократии и «пассивным» городским думам²¹.

Определенный прогресс городской инфраструктуры на рубеже XIX – XX вв. отметил и Г. Альтрихтер. В крупных городах страны наметилась тенденция к вытеснению конки электрическим трамваем, начал распространяться автомобильный транспорт, расширилась сеть кафе, ресторанов, гостиниц и прочих общественных мест; появились новые театры, начал функционировать кинематограф²². Д. Ландграф и Л. Деег отметили прогресс городской инфраструктуры и в таком удаленном от центров империи районе, как Дальний Восток. Оба исследователя акцентировали внимание на улучшении снабжения населения, расширении сети универсальных магазинов, на снижении уровня цен в дальневосточных городах. Д. Ландграф особо выделил определенное улучшение благоустройства в Благовещенске, Владивостоке, Хабаровске в начале XX столетия, рост количества каменных строений в этих городах. В Благовещенске в 1905-1910 гг. были заасфальтированы некоторые улицы, проведены водопровод и электрическое освещение, пущен трамвай. Изменения к лучшему наметились на Дальнем Востоке и в системе образования, культуры и здравоохранения – они также были особо существенными во Владивостоке, Хабаровске и Благовещенске²³.

Следует отметить, что Д.Ландграф в большей по сравнению с другими германскими историками мере остановился на позитивных изменениях в российских городах в период модернизации. Вместе с тем он далек от преувеличения успехов в прогрессе социальной и коммунальной инфраструктуры на Дальнем Востоке, а также в развитии образовательных учреждений. При всем улучшении положения имеющаяся в крае к 1914 г. сеть учебных заведений была пока недостаточна для удовлетворения потребностей региона. Частым явлением была переполненность классов и школ, остро чувствовался дефицит

¹⁷ Späth M. Wasserleitung und Kanalisation ... – S. 344-355.

¹⁸ Ильин С.В. Страховое дело в России (XIX – начало XX в.). – М., 2001. – С. 164-167.

¹⁹ Späth M. Wasserleitung und Kanalisation ... – S. 347.

²⁰ Там же. – S. 356-358.

²¹ Там же. – S. 359.

²² Altrichter H. Russland 1917 : Ein Land auf der Suche nach sich selbst. – Paderborn, 1997. – S. 41-43.

²³ Landgraf D. Amur, Ussuri, Sachalin. 1847-1917. – Muenchen, 1989. – S. 784-785; Deeg L. Kunst & Albers Wladiwostok : Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten. 1864-1924. – Essen, 1996. – S. 129-130.

учительских кадров. Оставляло желать лучшего и здравоохранение – во Владивостоке положение было особенно сложным в связи с постоянным притоком переселенцев. Данное обстоятельство обостряло и жилищную проблему – Х. Хауманн и К. Шписс указали, что нечто подобное в еще больших масштабах имело место и позднее, уже в советский период²⁴.

Д. Ландграф, а еще ранее, в самом начале 1980-х гг., К. Шписс признали определенный прогресс промышленности в дальневосточном городе, хотя в целом уровень ее развития в начале XX в. остался невысоким. Для значительной части горожан, особенно в Николаевске-на-Амуре и Никольске-Уссурийском по-прежнему главным источником дохода являлись рыболовство и земледелие; последний из названных городов и в начале XX в. сохранял свой аграрный профиль. В то же время Д. Ландграф указал на тенденцию к превращению в города ряда деревень Южно-Уссурийской области (Посьет, Славянка, Спасск и др.), наметившуюся перед Первой мировой войной. Причинами тому были постоянный приток мигрантов и значительное, по местным масштабам, производство стройматериалов, получившее развитие в этих деревнях²⁵. Само воздействие переселений на дальневосточный город не было однозначным. Стимулируя во многом прогресс городского хозяйства, миграции вместе с тем могли обострять проблему безработицы и косвенным образом вынуждать часть потерявших источник существования горожан к смене места жительства. Так, значительный отток населения имел место в 1907-1909 гг. из Хабаровска, Николаевска-на-Амуре и Никольска-Уссурийского²⁶.

Затрагивая проблему переселений, Д. Ландграф и Л. Деег не обошли вниманием и проблему нелегальной миграции из сопредельных стран. Меры властей по ее пресечению и по ограничению «легальных» миграций не всегда оказывались эффективными, и выходцы из Китая и Кореи составляли немалую часть горожан. Л. Деег указывает в этой связи, что, по данным фирмы «Кунст&Альберс», возможно, завышенным, в 1910-1914 гг. в одном Владивостоке обитали не менее 100 тыс. китайцев и 10 тыс. корейцев (официальная статистика оценивала численность населения города на начало 1910 г. в 89,6 тыс. человек, из которых русских было 50,3 тысяч). Наличие выходцев из сопредельных стран обостряло и без того значительную проблему преступности в дальневосточных городах, прежде всего во Владивостоке²⁷.

Германские историки, как правило, не обращались специально к теме социальных контрастов в российском городе эпохи модернизации. Определенное внимание уделялось лишь условиям жизни фабрично-заводских рабочих. Если в начале XX в. исследователь О. Гебель подчеркивал тенденцию к улучшению их положения, в том числе и в плане условий проживания, то в послевоенные десятилетия германские историки в большей мере акцентировали внимание на все еще тяжелом положении непосредственных производителей, в том числе на проживании значительной их части в неблагоустроенных казармах либо на квартирах в качестве «угловых жильцов». При рассмотрении положения петербургских рабочих Т. Стеффенс и Г. Альтрихтер особо отмечали высокий уровень оплаты жилья, за исключением ночлежек²⁸. Г. Альтрихтер вместе с тем предостерегает от трактовки тяжелых условий жизни городских низов страны как явления, присущего в начале XX в. из европейских стран лишь Российской империи. Социальная сегрегация, гигиенические проблемы, низкий уровень здравоохранения, тяжелые условия жизни, усугубляемые притоком мигрантов, – все это имело место и среди городского населения других стран, включая и Германию. Сам уровень и условия жизни петербургских рабочих Г. Альтрихтер находит лучшими по России, хотя и катастрофичными по современным за-

²⁴ Landgraf D. Amur, Ussuri, Sachalin ... – S. 621-622, 633, 637, 641, 644, 749, 787; Haumann H. Die russische Stadt... – S. 493; Spiess K. Periphere Sowjetwirtschaft : Das Beispiel Russisch-Fernost 1897-1970. – Zuerich, 1980. – S. 158-160.

²⁵ Landgraf D. Amur, Ussuri, Sachalin ... – S. 644-645, 648.

²⁶ Там же. – S. 754.

²⁷ Там же. – S. 626-627, 634, 643, 789; Deeg L. Kunst & Albers ... – S. 207.

²⁸ Steffens T. Die Arbeiter von Petersburg 1907 bis 1917. Soziale Lage, Organisation und spontaner Protest zwischen zwei Revolutionen. – Freiburg, 1985. – S. 122, 126; Altrichter H. Russland 1917 ... – S. 46.

падноевропейским меркам²⁹. Представляется, что сравнение с современным Западом не вполне корректно. Применительно к началу XX в. также приходится принимать во внимание различную стадию модернизации, переживаемую в тот период Россией и странами «первого эшелона» капитализма.

Подводя итоги, можно констатировать, что при трактовке урбанизационных процессов в России второй половины XIX – начала XX вв. среди мнений российских немецкоязычных стран не имеется существенных разногласий – признаются как достижения, так и значительные трудности и издержки в развитии урбанизации. С полным основанием указывается на различный ход процесса по регионам, признается и разнообразие социальной структуры по отдельным городам России. Здесь налицо определенная близость позиций германоязычной и отечественной историографии. В то же время первой несколько недооценивается значимость административной функции в процессе градообразования в 1861-1917 гг., хотя фактический материал, приводимый исследователями, косвенным образом свидетельствует в пользу этого. Вместе с тем вполне обоснованным представляется вывод об отсутствии в стране бюргерства в европейском смысле этого слова, в значении широкого и пользующегося авторитетом слоя экономически самостоятельных, свободных и равноправных по возможностям городских собственников. Данное обстоятельство еще в начале XX в. отмечали М.Вебер и О. Хетч³⁰, и его необходимо принимать во внимание, анализируя расстановку основных общественно-политических сил в стране в начале XX в.

URBANIZATION IN PRE-REVOLUTION RUSSIA IN TREATMENT OF GERMAN-SPEAKING HISTORIOGRAPHY OF THE END OF THE XXth CENTURY

A.G. DOROZHKIN

Magnitogorsk
State University

e-mail: rushist@masu.ru

The present article views the interpretation done by the German historiography of the end of the XXth century upon the urbanisation-process in pre-revolutionary Russia. Close attention is given to the estimation made by German scientists regarding the growth and development of cities and urban people in Russia, the social processes in pre-revolutionary Russian city, and regional aspects of the problem.

Key words: urbanization, German-language historiography, Russian studies, industrialization.

²⁹ Altrichter H. Russland 1917 ... – S. 50, 51, 269.

³⁰ Вебер М. Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии : пер. с нем. – Киев, 1906. – С. 26, 74-77; Hoetzsch O. Russland : Eine Einführung auf Grund seiner Geschichte vom japanischen bis zum Weltkrieg. – Berlin, 1917. – S. 105.